

УДК 93 (2)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920-е ГОДЫ

© А.В. Радков

В статье рассматриваются сложные процессы адаптации российской военной эмиграции в различных странах своей дислокации, а также действия Главного командования Русской армии по улучшению жизни на чужбине.

Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: военная эмиграция, воинские контингенты, военнослужащие, Русская армия, РОВС, адаптация.

SOCIOECONOMIC AND POLITICAL ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRATION IN 1920–1930

A.V. Radkov

The article devoted to complex processes of adaptation of Russian military migration in different countries as well as efforts of Allied Command of Russian Army for improvement of their life in foreign land.

6 sources.

Keywords: military emigration, military contingents, personnel, Russian Army, ROVS, adaptation.

История русской военной эмиграции является составной частью комплексной проблемы исследования российского зарубежья, возникшего в результате политических катаклизмов, постигших нашу страну в начале прошлого столетия, когда Родину покинуло более миллиона ее граждан. Таким образом, данное явление становится значительным феноменом отечественной и мировой истории XX столетия, который требует тщательного анализа и серьезного изучения.

Наиболее актуальным в связи с освещением данной темы в рассматриваемый период является аспект, связанный с социально-экономической и политической адаптацией военнослужащих.

Проблема адаптации российских воинских контингентов в странах размещения на раннем этапе «беженства» в 1920-е годы относится к одной из наиболее сложных тем по истории русского зарубежья.

Адаптация эмиграции подразумевает ее включение в экономическую, политиче-

скую и культурную жизнь зарубежных стран, получение правового статуса, а также создание материальных и бытовых условий для длительного существования в изгнании. Социальная адаптация русской белой военной эмиграции имела ряд особенностей, которые были присущи лишь ей и которые определяли ее самобытность, как уникальное социально-политическое явление, не имеющее аналогов в мировой истории.

Русские военные эмигранты оказались за рубежом особенно уязвимы в экономическом отношении. Не имея ни денежных средств, ни юридического статуса, они были вынуждены браться за любую, самую черную и низкооплачиваемую работу. То, что отдельным представителям белого движения удалось вывезти ценности и неплохо там устроиться, ни в коей мере не меняет общей картины; большая часть белой эмиграции, особенно в первое время, оказалась в нищенском положении. В период эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г.

многие военные эмигранты вынуждены были идти на «продажу вещей для покупки продуктов» [6, с. 275]. Кроме того, если российские ученые и инженеры имели шансы найти в эмиграции работу по специальности, то военные с окончанием Первой мировой войны оказались практически лишены возможности найти применение своим профессиональным навыкам.

Попытки российских военных беженцев, объединившихся в трудовые коллективы, включиться в предпринимательскую жизнь стран зарубежья также обычно заканчивались провалом. Не выдерживая конкуренции со стороны иностранных предприятий, давно освоивших экономическое пространство, российские военные белоэмигранты неизбежно терпели крах. Во внутренней документации Главного командования Русской армии, в частности, отмечалось: «Организация кооперативов и торговых предприятий ввиду общей обстановки беженской жизни и безусловной деморализации значительной части русских беженцев обречены на явный неуспех» [1, оп. 1, д. 28 (4), л. 8]. Когда в начале 1920-х годов во многих европейских городах вошли в моду «русские рестораны», главная роль в этом «бизнесе» принадлежала российским эмигрантам-предпринимателям, бывшим представителям купеческого и торгового сословия, а военные беженцы в них выполняли второстепенные функции: офицеры – служба охраны и обслуживание, казаки – игра на балалайках и танцы [1, оп. 1, д. 28 (4), л. 8]. Это позволяло офицерам обеспечивать себя и свою семью, но не поднимало их по социальной лестнице и не давало положения в обществе. Классическим «офицерским промыслом» в европейских столицах была работа на такси.

Российские офицеры-эмигранты активно эксплуатировались на шахтах во Франции, Германии, Бельгии и славянских стран, причем ставились всегда на самые тяжелые и опасные участки. Им приходилось вручную грузить вагонетки, переносить бревна, укладывать рельсы и т. п.

Сильный удар по российским эмигрантам нанес разразившийся в конце 1920-х гг. в Европе экономический кризис, который вызвал тяжелую безработицу. Огромное

число воинов рабочих оказалось на улице. Согласно специальному распоряжению руководства Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), начальниками отделов Союза был принят ряд мер для облегчения участи безработных, привлечены к делу помощи общественные силы [1, оп. 1, д. 34 (5), л. 293]. Помощь оказывалась предоставлением бесплатного ночлега, обедов, выдачей пособия на переезд на новые места работы, а также сосредоточением в РОВС сведений с мест о трудовых вакансиях. Так, начальник 1-го отдела РОВС докладывал своему руководству, что ему «.....небольшую группу (Корниловское военное училище) удалось устроить в минувшем году в Великом герцогстве Люксембург на кожевенном заводе» [1, оп. 1, д. 34 (5), л. 300].

Дисциплинированные, привыкшие исполнять приказания, трудолюбивые российские военные белоэмигранты ценились на европейском рынке рабочей силы очень высоко, но в то же время их материальная и юридическая незащищенность приводила к их эксплуатации со стороны работодателей.

Адаптация российской военной эмиграции на раннем периоде «беженства» особенно остро осложнялась нерешенностью жилищной проблемы; большинство белоэмигрантов не имело собственных домов в странах размещения и было вынуждено либо снимать дешевые комнаты, либо жить в общежитиях. Руководство Русской армии, а затем и РОВС пыталось оказывать российским беженцам помощь путем устройства общежитий для необеспеченных эмигрантов. Так, например, в Софии в 1924 г. действовало несколько офицерских общежитий, образованных почти сразу после передислокации российских военнослужащих в Болгарию: № 1 – для чинов галлиполийской группы (60 человек), снятое у образованного в эмиграции Всероссийского Союза городов; № 2 – общежитие в железнодорожном пакгаузе, предоставленное болгарским правительством (на 50 человек); № 3 – общежитие Дроздовского и Алексеевского полков, открытые на средства их командиров с небольшой поддержкой из средств галлиполийской группы – на 100 мест; а также еще три общежития Марковского и Дроздовского артиллерийских

дивизионов и Сергиевского артиллерийского училища [1, д. 19 (1), л. 25].

Наряду с российскими беженцами, способными заниматься умственным или физическим трудом в странах размещения, имелась и такая категория эмигрантов, как нетрудоспособные люди и инвалиды войны, не имевшие сил для систематического труда, и о судьбе которых проявляли заботу эмигрантские организации – Главное Управление Красного Креста, Комитет временной помощи русским беженцам, Союз офицеров – участников войны и ряд других.

Травмированность психики белоэмигрантов, прошедших кровавые события Гражданской войны 1917–1920 гг., утративших Родину, потерявших свой социальный статус и средства существования, выражалась, в частности, в таком явлении, как пьянство: при этом порой пропивались последние деньги: «Одно время была полоса какого-то бесшабашного пропоя. У рабочего есть 4–5 часов в сутки совершенно свободных, которые...слабовольный проводит за чашкой вина...» докладывал генерал Ф. Абрамов главнокомандующему Русской армии П.Н. Врангелю в июне 1924 г. [1, д. 19 (1), л. 4].

Следует все же заметить, что «опустились» только отдельные представители российских беженцев, в целом русские военные эмигранты жили бедно, но в основной массе сохраняли свое достоинство, одевались опрятно и чисто, берегли свои мундиры как символ утраченного социального статуса, надевая их по праздникам, хранили различные военные реликвии и награды.

Характерной чертой, присущей менталитету военной эмиграции, являлось стихийное сохранение в условиях чужой социальной среды чинов и званий бывшей Российской императорской армии, а также добровольное признание власти командования, олицетворением которого долгое время являлся генерал Петр Николаевич Врангель.

Частью воинской культуры в эмиграции является ее фалеристическое наследие: в 20-е годы прошлого столетия создается целая культура мемориальной символики –

полковые знаки, эмблемы военных обществ, значки участников событий Гражданской войны 1917–1920 гг. Этот аспект интересен тем, что в труднейших условиях эмиграции он позволял военным беженцам вспомнить свое славное боевое прошлое и гордиться им.

Стоит отметить тот факт, что многие награды белого движения так и остались на бумаге и никогда никому не вручались. Это происходило главным образом по причине отсутствия возможностей для их изготовления.

Среди медалей и памятных знаков можно назвать такие, как Крест общества галлиполийцев, медаль «За освобождение Кубани», крест «Спасения Кубани», орден Святого Николая Чудотворца 1-й степени и ряд других.

Еще в июне 1921 г. генерал Врангель утвердил «Положение о знаке в память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине и Русского флота в Бизерте в 1920–1921 гг.». Знак представлял собою железный равноконечный крест [1, д. 18 (1), л. 3]. На получение знака имели право: 1) все чины (офицеры, юнкера, кадеты, солдаты, чиновники, сестры милосердия и церковнослужители), прибывшие в военные лагеря и вошедшие в состав Армии и Флота не позднее 5 марта 1921 г. и остававшиеся в них до конца, до переселения в балканские государства или (для Флота) до годовщины прихода эскадры в Константинополь;

2) чины армии и флота, которые были уволены из частей по разным случаям в командировки и затем вернувшиеся в срок в ряды армии и флота. Чины Армии и Флота, командированные в Прагу для окончания высшего образования;

3) чины Штаба Главнокомандующего Русской Армией, Конвоя Главнокомандующего Русской Армией, Ординарического эскадрона, команды яхты «Луккул». Лица, перешедшие на беженское положение, или в беженские части или самовольно покинувшие ряды Армии и Флота, право на награждение знаком не имели. Каждому, из получивших право на ношение знака, выдавалось за подписью командира части именное удостоверение [1, д. 18 (1), л. 3].

То есть можно отметить, что Главнокомандующий утвердил символ, который напоминал военнослужащим о героическом и трудном времени «галлиполийского сидения», когда Русская армия проявила свое мужество, сплоченность и стойкость и не дала разрушить себя, несмотря на все попытки.

Обращает внимание также и тот факт, что в связи с тем, что многие знаки делались в разных местах, разными специалистами и часто весьма примитивными способами, они существенно различались не только материалом, но и размером, шрифтом и т. д. Особенно большим разнообразием отличались знаки с надписями «Галлиполи», «Лемнос», «Бизерта» [3, с. 6–7].

В ноябре 1921 г. было образовано «Общество галлиполийцев» с целью: «объединения и взаимопомощи участников Галлиполийского сидения 1920–1921 гг., а также для собирания материалов по истории Галлиполийского сидения», хранения их и составления трудов» [1, оп. 1, д. 18 (1), л. 60]. Общество выполняло помимо историко-мемориальных целей (например, сохранение памятников русским воинам) еще и культурно-воспитательные – организация вечеров и выставок, лекций; а также оно должно было заниматься правом устройства лечебниц и санаториев, инвалидных домов, приютов для сирот и созданием ресурсов касс взаимопомощи и различных запасных капиталов [1, оп. 1, д. 18 (1), л. 60].

Очень тяжело было российским эмигрантам адаптироваться в чужой психологической среде. Уже с первых лет изгнания российская эмиграция начинает строить свой собственный мир, воссоздающий до-революционную Россию и закрытый для посторонних: создаются русские общины со своим менталитетом, распорядком жизни; строятся православные храмы, например, Сергиевское подворье в Париже и т. п., полковые церкви; создаются музеи, в которых собираются материалы и реликвии гражданской войны 1917–1920 гг., архивные документы; открываются залы офицерских собраний. Все это свидетельствует об одном – российская эмиграция не хотела ассимилироваться в новом для нее обще-

стве, стремилась сохранить себя как единое целое для будущего возвращения на Родину. То же самое желание проявилось и в устройстве быта: жилища домов и общежитий были устроены «по-русски»: в красном углу стояли иконы, домашняя кухня была также российской – блины, щи и т. п.; разговаривали в семьях тоже на русском языке. Детей воспитывали в традициях Отечества: учили русскому языку, родной истории, военным традициям. Монархически настроенные эмигранты обычно имели в доме портреты императоров Александра III и Николая II [1, оп. 1, д. 30 (2), л. 17].

При наличии ряда особенностей, характерных для общего положения российской военной эмиграции (материальные трудности, психологический кризис и т. д.), отношение к ней значительно отличалось в различных странах мира.

Наиболее агрессивно по отношению к российским военнослужащим вели себя правительства Польши, Финляндии и прибалтийских стран – Латвии, Литвы и Эстонии. Для них характерен репрессивный подход к российским военным, как к потенциальным носителям российского великодержавного шовинизма. Разведывательные материалы Главного Командования Русской армии говорят о совершенно отрицательном отношении местных властей к какой бы то ни было организации бывших русских военнослужащих. Таковые не только фактически не допускались, но и жестоко преследовались, а лица, ведущие эту работу, подвергались арестам, высылке и т. д. [1, д. 28 (4), л. 142]. Стоит отметить, что ко второй половине 1920-х годов ситуация несколько улучшилась и репрессии со стороны властей по отношению к военным эмигрантам и их организациям немного ослабли. Однако за все время существования эмиграции в данных странах не удалось фактически создать устойчивых структур в виде союзов и обществ и т. д.

Напротив в Сербии (Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев – Королевство С.Х.С.) русские быстрее и легче включались в социальную структуру общества и не чувствовали себя совершенно чужими.

В ряде стран Восточной и Центральной Европы им оказывалась материальная по-

мощь со стороны правительства. Так, в начале 1922 г. финансовая комиссия в Сербии «ассигновала 200 тысяч динар для организации помощи наиболее нуждающимся беженцам военным, бывшим чинам армии» [1, д. 18, л. 30].

В 1922–1923 гг. на территории Королевства С.Х.С. при финансировании правительства были организованы различные инженерные, юридические и другие курсы для российских военнослужащих.

В 1924 г. в городе Земуне (Сербия) на средства государственного учреждения Королевства С.Х.С. Державной Комиссии, «Обществом офицеров русского корпуса военных топографов» были организованы «Геодезические Курсы», где преподавали русские офицеры. 33 русских военнослужащих других специальностей окончили эти курсы и смогли получить работу с оплатой до 2000 динар в месяц [2, оп. 1, д. 325, л. 47].

Кроме того, адаптация российских эмигрантов зависела также от их социальной принадлежности: офицеры, вынужденные в странах новой дислокации заниматься непривычной для них физической работой, с трудом приспособившись к жизни на чужбине. В исключительно тяжелом положении оказались военные чиновники – в европейских государствах при избытке собственной бюрократии на их знания спроса не было. Отсутствие гражданства и, зачастую, незнание языка страны пребывания делало почти невозможным устройство на работу по специальности.

Напротив, казаки и солдаты (как правило, бывшие крестьяне) довольно легко адаптировались в сельскохозяйственных областях, в частности, Сербии и Болгарии. «Солдаты находятся в лучших условиях, так как многие близко сошлись с крестьянами, помогают им в работе и получают за это даром или по более дешевым ценам съестные продукты» [4, с. 91], – вспоминает один из военных эмигрантов. Многие солдаты вскоре завели свое хозяйство и навсегда осели в балканских странах.

Сразу же после образования российской эмиграции, в том числе и военной, возникла проблема подданства.

Натурализоваться и получить права наравне с гражданами зарубежных стран обычно было крайне сложно. Подобное положение было вызвано следующими обстоятельствами:

1) Отсутствие денежных средств затрудняло процесс получения вида на жительство, так как правительства большинства государств не были заинтересованы в присвоении гражданства бедным людям, к тому же сильно политизированным и психологически травмированным.

2) Позиция командования Русской армии (а затем РОВС) осуждала лиц, принявших иностранное гражданство, что приводило к тому, что многие эмигранты бедствовали, но сохраняли за собой статус подданных несуществующей Российской империи. Только к концу 1930-х годов, когда рухнули надежды на скорое возвращение на Родину, большинство их натурализовалось в странах проживания [1, оп. 1, д. 130, л. 17].

Выдача «нансеновских паспортов» в 1923 г. существенно облегчила правовое положение российской эмиграции. Однако проблема определения юридического статуса русских беженцев сохраняла остроту на протяжении достаточно долгого времени. Правительства стран размещения русских беженцев часто препятствовали выдаче им паспортов, возлагали на них дополнительный налоговый гнет и социальные обязательства. Оплата труда эмигрантам производилась по более низким расценкам, в случае сокращения производства они увольнялись в первую очередь. Социальная незащищенность русских скитальцев сказывалась даже на уровне их межличностных отношений с представителями администрации стран размещения. Частыми были случаи оскорбления белоэмигрантов, иногда даже факты насилия. Все это крайне затрудняло адаптацию российских военнослужащих.

Сложной задачей для русских военных эмигрантов стала адаптация в политической среде стран размещения. Левые социалистические и коммунистические организации и партии Королевства С.Х.С. (позднее Югославии), Болгарии, Франции, Китая и других государств оказывали политиче-

ское и психологическое давление на белоэмигрантов и членов их семей, как носителей правой монархической идеологии. В частности, профсоюзы многих европейских стран противодействовали устройству на работу русских беженцев, так как те нанимались за более низкую плату, чем наносили удар по заработку остальных (местных) рабочих.

Стоит отметить, что руководство Русской армии, а позднее РОВС, несмотря на нехватку финансовых средств, оказывало материальную помощь инвалидам, нетрудоспособным и семьям чинов армии.

В частности, в Королевстве С.Х.С. и Болгарии, где расположилась одна из самых крупных колоний российской военной эмиграции, финансовая помощь выглядела так.

До 1 сентября 1921 г. все инвалиды и нетрудоспособные, находящиеся в частях, а также и семьи чинов армии, получали установленный для них паек и, кроме того, две первые категории еще и пособие на мелкие расходы. С 1 сентября, когда каждый трудоспособный стал собственным трудом зарабатывать себе средства к существованию, были установлены следующие нормативы отпуска денежных сумм:

1) Ежемесячно каждому члену семьи чинов армии отпускалось по 125 динаров в Королевстве С.Х.С. и по 200, а затем и по 300 левов в Болгарии. Членами семьи являлись – жены, дети до 17 лет, не находящиеся в закрытых учебных заведениях на казенном содержании, родители мужа – чина армии и его жены, старше 43 лет; а также вдовы и сироты чинов армии.

2) Ежемесячно по 500 и 400 динаров в Королевстве С.Х.С. и по 600 и 400 левов в Болгарии двум разрядам инвалидов, причем к 1-му были отнесены инвалиды – генералы и бывшие командиры отдельных частей российской армии, не имеющие службы и не получающие помощи из других источников, а ко 2-му – все остальные инвалиды [5, с. 23].

Впоследствии, с 1 января по 1 апреля 1923 г., инвалидами, было указано, считать лишь тех чинов армии, которые потеряли не менее 60% трудоспособности, и всем им был установлен одинаковый оклад в Коро-

левстве С.Х.С. – 400 динаров, а в Болгарии – 460 левов [5, с. 23].

Все ж офицерские и классные чины армии в возрасте от 43 до 50 лет стали получать ежемесячное пособие в 250 динаров (360 левов) и старше 50 лет – 400 динаров (460 левов) [5, с. 23].

Кроме того, для наиболее заслуженных, не имеющих службы офицеров, генералов и полковников, бывших командиров отдельных частей и кавалеров орденов Святого Георгия и Святого Николая были установлены дополнительные ежемесячные выплаты, как пенсионерам армии.

Одновременно, для сокращения расходов, принимались меры к устройству инвалидов, нетрудоспособных и пенсионеров на службу и работы, причем в зависимости от заработка им должен быть либо прекращен, либо соответственно уменьшен денежный отпуск. С 1 апреля 1923 г. требования, предъявляемые к лицам, получающим указанные пособия, были увеличены и число их, таким образом, сократилось. Категории пенсионеров были упразднены, и помощь продолжала оказываться лишь небольшому числу старших, особенно заслуженных и отличившихся воинов, коим были установлены ежемесячные выплаты: в 500 динаров и в 350 динаров [5, с. 23].

Весной 1923 г. было произведено переосвидетельствование инвалидов, и они были разделены на два разряда: 1-й – потеря 100% трудоспособности и 2-й – 75–99%, в зависимости от чего им были установлены ежемесячные оклады.

Семейное пособие также было значительно уменьшено.

К концу 1923 г. постоянное ежемесячное пособие получали 25 пенсионеров, 800 инвалидов и нетрудоспособных, состоящих в рядах армии, и до 2000 членов семей [5, с. 24].

С первых же дней пребывания воинских контингентов на чужбине оказывалась помощь и тем инвалидам, которые не числились в армии, в виде периодических денежных отпусков на устройство инвалидов домов, организацию общежитий и мастерских, а также и на другие неотложные нужды.

То есть, можно отметить тот факт, что Командование Русской армии делало все, от него зависящее, особенно в части финансовой помощи, дабы поддержать на чужбине тех, кто вынужден был оставить свое Отечество.

Таким образом, судьба антибольшевистских вооруженных формирований, покинувших после окончания Гражданской войны пределы России, оказалась различной в зависимости от позиции иностранных держав и действий командных структур белых армий.

Хотя наиболее организованной и многочисленной «балканской волне» в Сербии и Болгарии удалось некоторое время сохранять армейскую организацию, остановить ее деморализацию и распад, в целом негативные тенденции превалировали в среде военнослужащих-эмигрантов.

Вывод российских воинских формирований из лагерей на территории Турции в

Сербию, Болгарию и другие европейские страны поставил перед военными эмигрантами проблему социально-экономической, политической и культурной адаптации.

В целом положение военнослужащих в странах нового проживания, особенно в 1920-е годы характеризовалось низким социальным и юридическим статусом, высоким уровнем безработицы и, как следствие, психологической подавленностью и деморализацией.

Ассимиляция военных эмигрантов и принятие ими иностранного гражданства затруднялось отрицательной позицией руководства военно-политических структур русского Зарубежья. В то же время Главное командование Русской армии, а затем РОВС оказывали значительную поддержку своим членам в решении социально-экономических проблем.

Статья поступила 01. 04. 2014.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5826. Русский общевойсковой союз.
2. Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел письменных источников. Ф. 452.
3. Доценко В.Д. Каталог орденов и знаков отличия белого движения и русской военной эмиграции. СПб., 1992.
4. Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921– 1939 гг. М., 1996.
5. Русская Армия на чужбине. Галлиполийская эпопея : сб. статей / под ред. С.В. Волкова. М., 2003.
6. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Л., 1991.

Сведения об авторе

Радков Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени С.П. Королева (национально-исследовательский университет), 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34, тел.: 89277361890, e-mail: radkov1977@mail.ru

Radkov Aleksei Vladimirovich, PhD, senior teacher of department of philosophy and history, Samara State Aerocosmic University n.a. S.P. Koroliev (National-Researcher University), 443086, Russia, Samara, Moskovskoe shosse, 34, tel.: 89277361890, e-mail: radkov1977@mail.ru